

УДК 81'255.2

ПЕРЕВОДИМОСТЬ МЕТАФОР В СКАЗКАХ БРАТЬЕВ ГРИММ

ГЛУХОВА Наталья Викторовна,старший преподаватель кафедры немецкого языка,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Если метафоры, как утверждает Лакофф, действительно являются не просто лингвистическими реалиями, а концептуальными структурами, то одна из основных сложностей при переводе метафор обусловлена различиями между системами метафорических моделей в языке оригинала и языке перевода. В статье предпринимается попытка проанализировать в соответствии с этой гипотезой перевод метафор в немецких сказках на русский язык.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс сказки, когнитивная лингвистика, метафора, метафорическая модель, теория перевода, перевод с немецкого на русский.

GLUKHOVA N.V.,Senior Lecturer of the Department of German Language,
Voronezh State Pedagogical University

METAPHOR TRANSLATABILITY IN BROTHERS GRIMM'S FAIRY TALES

ABSTRACT. If metaphors are not mere words but constitute conceptual systems (as suggested by Lakoff), then one main cause of the difficulty in metaphor translating is the lack of the correlation between the metaphorical mapping systems used in the source and target languages. The article describes an attempt to analyze the metaphors in German fairy-tale discourse and their translations into Russian according to the above-mentioned hypothesis.

KEY WORDS: fairy-tale discourse, cognitive linguistics, metaphor, metaphorical model, translation studies, German into Russian translation.

В данном исследовании предполагается рассмотреть особенности перевода метафор в сказках братьев Grimm с немецкого языка на русский, выяснить причины сохранения, преобразования и замены исходного метафорического образа в процессе перевода.

В последнее время появилось много работ, в которых развивается когнитивное направление в теории перевода (А.Г. Минченков, А.С. Назин, И.А. Русова, Е.В. Приказчикова и др.). В когнитивном русле перевод определяется как «эвристический процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста» [1, с. 180].

Метафора является одной из значимых ментальных операций, которая «объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [2, с. 37]. Родоначальники теории концептуальной метафоры Лакофф и Джонсон утверждают, что «сами процессы мышления человека метафоричны», а возможность реализации языковых метафор обусловлена существованием метафор в «концептуальной системе человека» [3, с. 25–27]. В сознании носителей языка присутствуют определенные «схемы связи между понятийными сферами» – так называемые «метафорические модели» [4, с. 70], на основе которых создаются метафорические единицы.

Сложность перевода метафор обусловлена в первую очередь различиями в языковой картине мира: некоторые метафорические модели в языке перевода отсутствуют, наблюдаются также расхождения в

структуре, частотности и продуктивности метафорических моделей.

В современной когнитивной лингвистике постулируется дискурсивный подход к изучению метафор и метафорических моделей (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.), в соответствии с которым они рассматриваются «в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик» [4, с. 69]. Все эти факторы необходимо учитывать в процессе перевода метафор.

Таким образом, при переводе метафорической единицы переводчику необходимо выстроить в своем сознании соответствующую концептуальную структуру, отражающую взаимосвязи между обеими концептуальными сферами – сферой-источником и сферой-мишенью – в тексте-оригинале и выбрать адекватные средства вербализации этой концептуальной структуры на языке перевода с учетом дискурсивных характеристик.

Все закономерности в теории перевода носят не прескриптивный, а рекомендательный характер: переводческие стратегии «опираются на такие приемы деятельности, ценность которых оправдывается достижением успеха в решении аналогичных или вообще разовых задач, но не дает гарантии верного решения для каждой последующей задачи», т.е. являются эвристическими [5, с. 199]. Метафора – это творческая мыслительная операция, которая соединяет порой «несоединимые» концептуальные сферы, соответственно, перевод языковых метафор, которые являются вербализацией когнитивных метафор – это творческий процесс, и каж-

дая метафорическая единица требует индивидуального подхода.

Определенные особенности на перевод метафор накладывает и жанр текста – сказка. Сказка является квинтэссенцией народной мудрости, в ней в доступной для детей форме отражаются основные ценности лингвокультурной общности, реализуются воспитательные задачи. Поэтому переводчик должен учитывать в процессе перевода как системные признаки текста сказки, так и культурные особенности народа, его историю, нравы и обычаи. При этом переводчику необходимо сохранить баланс между воспроизведением национального колорита и доступностью переведенного текста для адресата. Решающее значение здесь имеют расхождения норм и узусов, преинформационных запасов носителей исходного языка и языка перевода культурно-исторического и актуально-событийного характера, возраст адресата. Избыточное обращение к историческому и культурному контексту, большое количество экзотизмов и нарушение узуальных норм языка перевода осложняют рецепиенту-ребенку восприятие сказки. Поэтому при переводе сказок допустима значительная адаптация текста в соответствии с особенностями сказочного жанра языка перевода.

Следовательно, при переводе метафор в сказках важно учитывать, насколько они соответствуют типичным метафорическим моделям языковой картины мира другой лингвокультуры, что поможет выбрать адекватные средства вербализации метафор в процессе перевода.

Материалом для исследования послужили 57 сказок братьев Гримм о животных с сайта «Grimms Märchen» [6] и их русскоязычные версии в переводе П.Н. Полевого [7]. Всего мы проанализировали перевод 165 метафорических единиц.

В нашем исследовании мы исходим из понимания метафоры в широком смысле: в качестве метафоры рассматриваются «метафороподобные выражения, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [8, с. 136–137].

Анализ переводов метафор показал, что в 41% исследованных метафорических единиц метафорический образ сохранялся. В 17% метафор наблюдается частичное сохранение метафорического образа с некоторыми изменениями. Таким образом, полное или частичное сохранение метафорического образа было выявлено в 58% метафорических единиц. Замена метафорического образа на другой была отмечена в 20% МЕ. Посредством безобразного высказывания метафоры переводятся лишь в каждом 5-м случае (22% МЕ).

В подавляющем большинстве выявленных метафорических единиц сферой-мишенью является концептуальная сфера «Человек» (110 МЕ из 165 МЕ).

Рассмотрим причины сохранения или замены метафорического образа в исследованных нами метафорах со сферой-мишенью «Человек».

Сохранение метафорического образа объясняется схожими метафорическими моделями и схожестью признаков/характеристик, которыми в этих метафорах наделяется сфера-мишень.

Например, метафоры метафорической модели «Человек» очень часто имеют сферой-источником концепт «Сердце». Такое «направление» метафорического переноса характерно как для немецкоязычной, так и для русскоязычной лингвокультуры.

Сердце рассматривается как объект, через который «проходят» эмоции, как вместилище эмоций и чувств, как объект, который «задевают» в случае сильных эмоций, эмоции и чувства исходят из сердца как из источника эмоций:

... *aber dann sah sie (die Frau) den kleinen Jungen an, und das ging ihr so durchs Herz, und es dünkte sie, als stünde er ihr überall im Wege...* – Когда мачеха ... взглянет, бывало, на своего хорошенького пасынка, у ней так и колышет в сердце – тотчас придет ей в голову, что он ей попереки дороги стал ... (von dem Machandelboom).

... *so ward das Herz des Königs gerührt ...* – ... то сердце короля было пронумо... (Die sechs Schwäne).

Da freuten sich alle, fielen ihr um den Hals und küssten sie und hatten sie von Herzen lieb. – И все они ей обрадовались, бросились ей на шею, целовали ее и полюбили от всего сердца (Die zwölf Brüder).

Da machte sie ihm das Häuschen auf, und wie sie die Türe so aufmachte, da stehen zwölf Pferde, ach! die waren gewesen ganz stolz, die hatten geblänkt und gespiegelt, dass sich sein Herz im Leibe freute. – Тогда она ему открыла домик, и, чуть только дверь отворилась, видит он – стоят там в стойле двенадцать лошадей, статных да красивых таких, что на них сердце радовалось (Der arme Müllerbursch und das Käzchen)!

Da sah sie, dass ihre Erlösung nahte, und ihr Herz regte sich in Freude. – Тут она убедилась, что и ее избавление близко, и сердце ее затпенетало от радости (Die sechs Schwäne).

Der Königsson fing an, grub und schaufelte ohne abzulassen, als er aber nach sieben Tagen sah, wie wenig er ausgerichtet hatte und alle seine Arbeit so gut wie nichts war, so fiel er in grosse Traurigkeit und gab alle Hoffnung auf. – Королевич тотчас принялся за дело: рылся и копался на горе без усталости, но когда по истечении семи дней увидел, как мало он успел сделать, то впал в большое уныние и потерял всякую надежду на благополучный исход дела (Der goldene Vogel).

В некоторых случаях метафорический образ сохраняется, но с некоторыми изменениями:

Wie die rechte Braut das hörte, tats ihr so weh, dass es ihr fast das Herz abstiess, und sie ohnmächtig auf die Erde fiel. – Когда первая невеста это услышала, ей так было больно, что у нее сердце надорвалось от горя, и она без чувств пала наземь (Die zwölf Jäger).

Лексема „abstoßen“ значит «отталкивать; отбивать, сбивать» [9]. Получается, что в немецкой сказке состояние горя и душевной боли выступает в роли субъекта, чье действие направлено на сердце: душевная боль «терзает» сердце, тогда как в переводе сердце является субъектом, которое совершает возвратное, направленное на себя действие – «сердце надорвалось от горя», а горе выступает в роли причины данного действия. Таким образом, в переводе изменился вектор действия, концепт «Горе» в переводе вербализуется как причина действия, тогда как в оригинале вышеупомянутый концепт наделяется активным началом, и «Горе» само совершает действие. Все это ведет к некоторому перераспределению сведений в концептуальной структуре. Но это перераспределение незначительно.

Такое же незначительное перераспределение сведений в концептуальной структуре метафоры наблюдаем и в следующем примере:

Der Dummling fragte, was er sich so sehr zu Herzen nähme. – Дурень спросил его, что у него за горе на сердце (Die goldene Gans).

„*Etwas sehr zu Herzen nehmen*“ – значит переживать по поводу чего-либо. Сердце в оригинале является «вместилищем/емкостью», в которую помещают

причину переживаний/горя (*sich ... zu Herzen nähme*), т.е. есть действие, динамика. В русском варианте образ сердца как «вместилища» сохраняется, только образ более статичен: горе уже находится «на сердце».

Неполное сохранение метафорического образа наблюдается и в следующем примере:

Ich wäre wohl ein Narr, dachte er, wenn ich in das lumpige Wirtshaus ginge und das schöne liegen ließ. Also ging er in das lustige ein, lebte da in Saus und Braus und vergaß den Vogel, seinen Vater und alle guten Lehren. – «Дурак бы я был, – подумал он, – если бы я сунулся в эту нищенскую гостиницу и прошел бы мимо той, которая гораздо лучше». Вот и завернул он в веселую, и зажил там припеваючи, позабыл и о птице, и об отце, и обо всех добрых советах (Der goldene Vogel).

Выражение „in Saus und Braus leben“ соотносится со свистом ветра (*das Sausen des Windes*), шумом волн (*das Brausen der Wellen*) [9, Brockhaus Enzyklopädie]. Этот шум метафорически характеризует шум во время веселого застолья. Соответственно, человек, который может часто пировать – живет в роскоши, в свое удовольствие. В переводе такая роскошная жизнь также метафорически характеризуется посредством акустического образа – «жить припеваючи», т.е. тоже с шумом, но иного происхождения.

Это же устойчивое выражение переводится в другой сказке посредством иной метафоры, что несколько искажает смысл в данном контексте, но, с другой стороны, звучит довольно-таки архаично, что является системным признаком русской сказки:

Nun ließen sie wieder frisch auftragen und lebten in Saus und Braus. – Они, конечно, велели себе подать ужин и этому ужину оказали надлежащую честь (Das Lumpengesindel).

Разные метафорические образы вербализуют и различные решения:

Der Marschall aber, der von weitem hatte zuschauen sollen, als er den Drachen nicht mit der Jungfrau fortfliegen sah und alles auf dem Berg ruhig ward, nahm sich ein Herz und stieg hinauf. – Тем временем дворецкий, который должен был за всем следить издали, когда увидел, что дракон не отлетает и не уносит королевны, и все на горе спокойно, собрался с духом и взойшел на гору (Die zwei Brüder).

Немецкая лексема „Herz“, помимо признака «внутренний орган», имеет еще значение «центр, в котором локализуются чувства, эмоции, настроение/расположение духа, решительность/решимость» [9, Duden], т.е. вместилище различного рода чувств и эмоций, что близко к русскому понятию «Душа». В этом аспекте концепт „Herz“ пересекается с русским концептом «Душа». «Дух» в русской лингвокультуре также довольно-таки широкое понятие: это и «душа», и «то, что дает жизнь плоти», и «сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость; бодрость» [9, словарь Даля]. Упомянутые признаки концепта «Дух», чтобы выявить сведения, которые вербализуются посредством выражения «собраться с духом», необходимо рассматривать все вместе, в их взаимодействии. Таким образом, несмотря на некоторые расхождения, перевод можно считать успешным: действующее лицо – дворецкий – осуществляет возвратное действие (*nahm sich – собрался*), действие затрагивает «вместилище» решимости, отваги (*Herz – дух*).

Наблюдается и несовпадение метафорических моделей, например, характеристика „*вЪЯ*“, когда речь идет о ребенке, девушке или молодом человеке. В русском языке этот образ не столь распространен. Поэтому переводчик посчитал возможным использовать нейтральное неметафорическое выражение:

Es war einmal ein kleines süßes Mädchen, das hatte jedermann lieb, der sie nur ansah, am allerliebsten aber ihre Großmutter; die wusste gar nicht, was sie alles dem Kinde geben sollte. – Ух, какая это была маленькая, славная девчурочка! Всем-то она была мила, кто только видел ее; ну, а уж всех-то милее и всех дороже была она бабушке, которая уж и не знала, что бы ей подарить, своей любимой внученьке (Rotkäppchen).

Рассмотрим метафоры других метафорических моделей, типичные для сказок братьев Grimm. Наиболее частотными являются метафоры со сферами-мишенями: «Животные», «Неживая природа», «Артефакты», «Светила».

Проанализируем несколько примеров, в которых актуализируются метафорические образы, характерные для обоих языков.

Так, в немецкоязычной и русскоязычной лингвокультурах красота зачастую ассоциируется с золотом. Поэтому оперение чудесной сказочной птицы в сказке „Der goldene Vogel“ получает и в оригинале, и в переводе соответствующую характеристику, т.е. сфера-источник сохраняется: *Als es zwölf schlug, so rauschte etwas durch die Luft, und er sah im Mondschein einen Vogel daherfliegen, dessen Gefieder ganz von Gold glänzte. – Как ударила полночь, так зашумело что-то в воздухе, и он увидел при лунном свете слетевшую на дерево птицу, у которой перья блестели, как золото (Der goldene Vogel).*

Для обеих языковых картин мира характерны колоремные метафоры. В принципе, в обеих лингвокультурах схожая цветовая символика, поэтому направление метафорического переноса может сохраняться. Но иногда переводчик заменяет метафору на нейтральное выражение.

Так, в сказке „Die Bremer Stadtmusikanten“ петух метафорически номинируется посредством сочетания двух сфер-источников – «Часть тела» (*-kopf*) и «Цвет» (*Rot*). Метафорическая модель полностью сохраняется, даже добавляется уменьшительно-ласкательный признак, реализованный посредством диминутивного суффикса, что придает характеристике более ласковое и дружеское звучание. Вторая метафора в этом примере тоже сохраняется, но с небольшими изменениями: в немецком варианте крик исходит изнутри горла, а в переводе это «направление изнутри» утеряно:

Nun schrei ich aus vollem Hals, solange ich kann. – "Ei was, du Rotkopf!" sagte der Esel, "zieh lieber mit uns fort, wir gehen nach Bremen" – Ну, и кричу я во все горло, пока могу. – «Ишь ведь, что выдумал, красная голова! – сказал осел. – Да тебе же лучше с нами уйти! Идем мы в Бремен» (Die Bremer Stadtmusikanten).

В следующем примере колоремная метафора также встречается и в русском языке, но переводчик заменил метафорическую номинацию лисы „*der Rote*“ на первичную номинацию «лиса». На наш взгляд, сохранение этой метафоры в данном примере возможно, и такая замена не совсем правомерна:

"Was ist dir, Bruder Fuchs, was machst du für ein Gesicht?" – "Ach," antwortete der Rote, "ein grimmig Tier sitzt in

meiner Höhle ... " – «Что это ты такую кислую рожу скроила?» – «Ах, – отвечала лиса, – какой-то страшный зверь забрался в мою нору ...» (*Tischchen deck dich, Goldesel und Knüppel aus dem Sack*).

В другом примере из этой же сказки метафорическое выражение „*der Rote*“ стоит в Генитиве (*in dem Hause des Roten*). Переводчик не использует в переводе метафору, т.к. эта метафорическая номинация в родительном падеже звучала бы по-русски неестественно:

"Du hast gut reden," antwortete der Bär, "es sitzt ein grimmes Tier mit Glotzaugen in dem Hause des Roten, und wir können es nicht herausjagen. – «Хорошо тебе говорить! – сказал медведь. – А посмотрела бы ты, какой страшный зверь с огненными буркалами засел в норе лисицы, и выгнать мы его не можем» (*Tischchen deck dich, Goldesel und Knüppel aus dem Sack*).

Еще один пример совпадения метафорических моделей в немецкой и русской языковой картине мира – «поверхность воды – это зеркало»:

*Einmal ging das junge Herrlein nachdenklich spazieren und kam an einen Brunnen, da schaute es hinein und sah im spiegelhellen Wasser seine Eseleinsgestalt. – Вот и пошел ослик в раздумье гулять. Пришел к одному колодезю, заглянул в него и увидел в зеркально чистой воде свое отражение (*Das Euselein*).*

В некоторых случаях часть метафорического образа встречается в русской языковой картине мира и, соответственно, может быть полностью сохранена в переводе как в последующем примере (*Wogen ... wie Berge*), а другая часть нетипична (*Wogen ... wie Kirchtürme*). Можно ее, конечно же, сохранить, чтобы придать переводу иноязычный колорит, но одним из системных признаков сказки является ее доступность для детского восприятия, а ребенок вряд ли оценит неестественное выражение, нарушающее общий «ритм» сказки. Поэтому переводчик использует другие методы и сохраняет лишь небольшую часть этого образа (*Wogen ... wie Kirchtürme – волны ... увенчанные белой пеной*). Здесь можно проследить ассоциативный ряд: церковь – венец – увенчанные белой пеной волны. Колоремная метафора – *der Himmel war ganz pechschwarz* – встречается и в русской языковой картине мира: Сам чернявый, а дети смоль-смолю. Волос, как смоль. Черный, как смоль [9, словарь Даля]. Но пасмурное небо не характеризуется посредством этой метафоры. Поэтому пере-

водчик выбрал менее яркий образ: «небо было черным-черно»:

*Die Häuser und die Bäume wurden umgeweht, und die Berge bebten, und die Felsenstücke rollten in die See, und der Himmel war ganz pechschwarz, und es donnerte und blitzte, und die See ging in so hohen schwarzen Wogen wie Kirchtürme und Berge, und hatten oben alle eine weisse Schaumkrone auf. – ... дома и деревья падали, и горы тряслись, и осколки скал, обрываясь, скатывались в море, и небо было черным-черно, и гром гремел, и молния блистала, и волны ходили по морю, похожие на горы, увенчанные белой пеною (*Von dem Fischer und seiner Frau*).*

Продолжая тему колоремной метафоры, рассмотрим еще один пример, в котором метафора заменяется на нейтральную колоремную характеристику, что опять же связано с тем, что именно применительно к данной сфере-мишени эта метафора не используется, хотя лексема «уголь» встречается в русском языке для усиления характеристики черного цвета:

*Kaum war das Wort ausgesaget, so hörte er ein Geschwirr über seinem Haupt in der Luft, blickte in die Höhe und sah sieben kohlschwarze Raben auf- und davonfliegen. – И едва только произнес это слово, как услышал вдруг свист крыльев у себя над головою, глянул вверх и видит – низко-низко летят над ним семь черных воронов. Пролетели и скрылись (*Die sieben Raben*).*

Результаты исследования свидетельствуют о том, что переводчику преимущественно удавалось сохранить метафорические концептуальные структуры в переводе. Полностью сохранить метафорический образ удавалось, если в языковой картине мира языка перевода имелась аналогичная метафорическая модель, на основе которой можно было «выстроить» соответствующую метафорическую единицу. Если же между метафорическими моделями языка оригинала и языка перевода наблюдались значительные отличия, то переводчик использовал различные средства, чтобы передать хотя бы часть метафорического образа. В случае наибольших расхождений переводчик заменял один метафорический образ на другой или даже отказывался от метафорического перевода, стремясь сохранить при этом равноценность регулятивного воздействия оригинала и перевода. Все это способствовало воссозданию системных признаков текста сказки в переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода : дис. ... д-ра. филолог. наук : 10.02.04, 10.02.20 / А.Г. Минченков. – СПб., 2008. – 318 с.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
5. Казакова Т.А. Художественный перевод : в поисках истины / Т.А. Казакова. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006, 224 с.
6. Grimms Märchen. – (http://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/index).

7. Гримм Я. Полное собрание сказок и легенд в одном томе : пер. с нем. / Я. Гримм, В. Гримм. – М. : Альфа-книга, 2009. – 975 с.
8. Кобозева А.И. Семантические проблемы анализа политической метафоры / А.И. Кобозева // Вестник МГУ. – 2001. – № 6. – С. 136–137.
9. АВВУУ Lingvo x3 [Электронный ресурс]. – М. : АВВУУ, 2008. – 1 электрон. опт. диск (DVD) + 1 электрон. опт. диск (CD).